

5. BP Statistical Review of World Energy, June 2014. [Электронный ресурс] URL: http://bp.com/statistical_review_of_world_energy_full_report_2014. (дата обращения – 14.11.2015)

Турбулентность в системе корпоративных структур как фактор снижения их конкурентоспособности

Носова С.С., д.э.н., проф.
Университет машиностроения,
Гуманитарно-экономический институт им.В.С. Черномырдина,
кафедра «Менеджмент»
г. Москва, Россия

Абдулов Р.Э., к.э.н., доцент, Медведева Ю.М., к.э.н., доцент
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
кафедра «Экономика»
г. Москва, Россия
nss_10@mail.ru, +7 (916)434-66-45

Аннотация. В статье исследованы теоретико-методологические основы современного корпоративного управления. Считаем данную тему актуальной.

Ключевые слова: сетевая экономика, неопределенность, сетевые эффекты, риск-менеджмент, финансовая глобализация, риски.

Современная мировая хозяйственная система демонстрирует кризис глобализма: обнажились противоречия, накопленные за весь период его существования. Актуальные события на экономической и политической аренах красноречиво свидетельствуют о начале этапа проявления провалов горизонтальной и вертикальной интеграции планетарного масштаба, являющихся причиной потери управляемости этими системами, что приводит к нарастанию турбулентности в системе корпоративных структур. Существующие системы принятия управленческих решений сохраняют свою функциональность только в условиях локальных хозяйственных пространств с допустимым уровнем турбулентности. Сама же турбулентность из внешнего фактора преобразовалась в источник управленческого потенциала, т. е. искусственное формирование неопределенности, или, например, информационной асимметрии, перешло из статуса околонучных гипотез во вполне оформившееся теоретическое направление конспирологии, дающей крупным системам новые инструменты управления и моделирования хозяйственной среды в своих интересах. Так, в сборнике монографий «De Conspiratione», составленном российским социологом А. Фурсовым, отмечается, что неустойчивые системы нуждаются в регулировании надсистемами, а капитализм как раз и является той хозяйственной моделью, которая формирует неустойчивые национальные хозяйственные системы, нуждающиеся в управлении из глобальных центров. В «Новейшем словаре иностранных слов и выражений», изд. в 2001 г., это слово (англ. *conspirology*) трактуется как «наука, исследующая подпольную деятельность, заговоры и тайные общества». Известный российский учёный и общественно-политический деятель А. Г. Дугин в своём фундаментальном труде «Конспирология» (2005 г.) так характеризует этот феномен общественной жизни: «Если в 60-х–80-х годах прошлого века конспирология была уделом маргинальных чудаков и желтейших «таблюдов», в 90-е она стала явлением массовой культуры.

Прорыв начался с сериала «X-files», где агенты спецслужб Малдер и Скалли расследовали все виды возможных «заговоров» и «вторжений», иллюстрируя бесконечный набор конспирологических фантазий. «The truth is out there», – гласит девиз «X-files»: «правда не здесь», «правда сокрыта». Это есть первый жест конспирологического отношения к миру. Это значит «нас обманывают», и, следовательно, «надо докопаться до истины, какой

бы она ни была». «Очевидно, что истина, до которой надо докапываться, должна быть какой-то сногшибательной – иначе не интересно и не было бы резона её скрывать», – рассуждают конспирологи. Однако такой механизм управления при отсутствии полноценной обратной связи из центров управления вынуждает хозяйствующих субъектов изыскивать пути нивелирования турбулентности путем вывода ее из поля потенциальных угроз.

Сетевая экономика предоставляет эту возможность путем трансляции стандартов деятельности по ячейкам сети. И до определенного момента эта технология позволяла обеспечить искомый уровень управляемости крупных систем: информационные системы корпоративного управления (ERP, MRP, CRM), технологии обеспечения информационной безопасности, трансляция бизнеса посредством франчайзинга и т. п.

Сетизация подчиняется сетевым эффектам, проявляющимся в биологических, техногенных, социальных системах сетевой формы организации. Она дает массу позитивных эффектов для корпоративных структур: наращивание организационного капитала, положительный эффект масштаба от использования технологий, высокий уровень прозрачности и нивелирование турбулентности до допустимых пределов внутри сети.

В условиях финансовой глобализации сетизация была поддержана ликвидностью и текучестью финансовых потоков, которые могли свободно трансгранично перемещаться внутри одной корпоративной сети, будь то крупная корпорация или группа компаний. Подобными сетевыми эффектами обеспечиваются преимущества сетевой формы организации перед другими формами, однако эти же эффекты могут обернуться катастрофическими последствиями. Так, положительные и отрицательные сетевые эффекты были отражены в работе К. Келли, который отмечал, что при нарастании объемов сети снижается ее управляемость, а сами сетевые эффекты он именовал «законами» [1].

Обобщая выводы названных исследователей, можно утверждать, что корпоративные структуры функционируют в среде, где классические законы экономики уже не работают либо работают искаженно и, что самое главное, могут подвергаться воздействиям групп интересов, что, по сути, нивелирует их объективность и устойчивость описываемых закономерностей. [2].

При этом возникают новые законы и свойства хозяйственных систем, которые проявляются в рамках альтернативных экономических теорий, в частности институциональной теории. Интересные трактовки отрицательных эффектов рынка, проявляемых современной экономикой, представлены в исследовании С.С. Носовой. [3].

Институциональная теория отличается своей универсальностью. Если категорию института понимать как «набор правил игры», то эта теория и в современных условиях способна обеспечивать методологию для моделирования и управления. Сам процесс институционализации значительно ускорился под воздействием процессов глобализации, информатизации и сетизации. Более того, институционализации подлежат те порядки и механизмы, которые требуют минимума затрат — транзакционных издержек. Тому масса примеров: формирование электронных сервисов государственных и частных институтов, развитие логистики всех сфер деятельности, при условии, что логистика понимается как управленческий процесс, обеспечивающий минимум затрат на перемещение ресурсов.

Однако и здесь формируется противоречие: минимизация транзакционных издержек и институционализация наиболее приемлемых моделей поведения приводят к возрастанию издержек переключения (switching costs), под которыми понимаются организационные, временные, финансовые и психоэмоциональные потери при необходимости переключаться на непривычный продукт либо на новый вид деятельности. По сути, это проявление снижения адаптивности хозяйствующих субъектов к неопределенности и динамичным условиям внешней среды, но вместе с тем это — и формирование лояльности потребителя (switching cost loyalty). Определенность или турбулентность (неопределенность) становится главным параметром для системы управления любого масштаба. Фундаментальное соотношение риска и доходности как параметра для принятия решений в области финансирования сформировало моду на рынке труда на специалистов, компетентных в

области риск-менеджмента. Основными задачами риск-менеджера являются формирование карты рисков для объекта управления и разработка релевантных инструментов и технологий нивелирования риска. Другими словами, приоритетной деятельностью риск-менеджера можно считать управление уровнем неопределенности. Однако сетизация и интеграционные процессы, со свойственным им формированием гиперсистем, ставят перед риск-менеджерами практически невыполнимую задачу: задачу прогнозирования рисков для структуры функционирующей в различных типах деловой среды. К решению задач идентификации и кластеризации рисков привлекаются и когнитивные карты, и искусственные нейронные сети, и масштабное программное обеспечение, не говоря уже об интеллектуальном анализе. Сформирована целая индустрия информационных продуктов и консалтинга в сегменте B2B, однако действие законов Парето и Ципфа в условиях сетевой экономики и при доминировании финансовых ресурсов нивелирует позитивный эффект названных инструментов локализации и снижения неопределенности. Во многом это объясняется тем, что в условиях динамических гиперсистем невозможно сформировать карту рисков, охватывающую все возможные варианты развития событий и исходы вероятностных прецедентов.

Информационные технологии в сочетании с современными каналами связи ежедневно транслируют огромное количество информации, при этом основная задача пользователя — выделить из информационного шума те сигналы, которые значимы для развития конкретной системы. В корпоративном сегменте, безусловно, существуют и службы мониторинга, и аналитические отделы, однако практика показывает, что управление устойчивым развитием корпоративной структуры в рамках классического подхода, подразумевающего процесс «анализ накопленного опыта — анализ среды — идентификация совпадений — прогноз развития», не способно обеспечить устойчивое развитие крупной корпорации в длительном периоде и подходит только для некрупных систем, функционирующих в локальной среде.

Еще важно остановиться на анализе модификации элементов теории финансов и кредита. Изменение мирохозяйственных устоев, гегемония глобального финансового капитала, процессы интеграции и регионализации, финансовая глобализация, информатизация и виртуализация части хозяйственных процессов значительно преобразовали деловую среду, что требует изменений фундаментальных основ теории денег, финансов и кредита или хотя бы совершенствования их базовых принципов. Так, деньги давно уже не обладают внутренней стоимостью, зачастую они даже не банкноты, а цифровые записи на счетах кредитно-финансовых институтов. Деньги давно вышли из своего функционального поля и перешли в статус ресурса, символизирующего власть или возможность доминирования. Финансовая глобализация возвела финансовые ресурсы в ранг самых ликвидных, в результате чего борьба на глобальных рынках идет за дополнительные источники дохода, поскольку именно финансовые ресурсы могут обеспечить получение практически любого производственного ресурса, будь то основной капитал, технологии или финансовые активы. Так, вместо выравнивания уровня маржинальности собственников факторов производства из разных стран происходит закрепление специализации: развитые страны продолжают заниматься высокомаржинальными и ресурсосберегающими видами производств, остальные страны — ресурсоемкими и низкодоходными. Система нелиберальных реформ и коррекций, предпринятая во всех значимых экономиках мира, привела не к преодолению диспропорций социально-экономического развития, а, напротив, к его наращиванию и закреплению. В результате разрыв между уровнем ВВП на душу населения в богатейших и беднейших странах продолжает увеличиваться угрожающими темпами, продуцируя массу не только экономических и социальных, но уже и межэтнических проблем и межконфессиональных конфликтов.

Вывод

Описанные тенденции свидетельствуют о турбулентности в глобальной экономике модели экономического роста, основанной на потреблении и высокой экспортной ориентации. В связи с этим разработка новой модели экономического роста российской

экономики требует формирования внутренних рынков производительного потребления, т. е. фактического перехода от рынка покупателя к рынку продавца. Это и есть сама возможность выхода российской экономики из системы циклических спадов.

Литература

1. Келли К. Новые правила для новой экономики: двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире // Знание — сила. 2010. - № 4. С.3-7
2. Осипов Ю.М. Мировое хозяйство находится в перманентном фиктивном кризисе // Мир перемен. - 2014. № 1. С 41-47
3. Носова С.С. Современная экономика России: провалы (фиаско) рынка и стратегия инноваций: монография. — М.: Издательство "КноРус". – 2014. – 214 с.

Нанотехнология — ядро роста конкурентоспособности экономики России

Носова С.С., д.э.н., профессор
Университет машиностроения
Гуманитарно-экономический институт им.В.С. Черномырдина,
кафедра «Менеджмент»
г. Москва, Россия
nss_10@mail.ru, +7 (916)434-66-45

Аннотация. В статье рассматриваются пути возможного роста конкурентоспособности российской экономики за счет развития нанотехнологий. Считаю эту тему наиболее актуальной для современного общества.

Ключевые слова: нанотехнология, нанокапитал, нанотовар, наноинновации, наноэкономика.

Впервые термин «нанотехнология» («nanotechnology») предложил в своей работе японский физик Норио Танигути (Norio Taniguchi) в 1974 году. Нанотехнологию он определил как "технология производства, позволяющую достигать сверхвысокую точность и ультрамалые размеры ...порядка 1 нм (нанометр) ..." [1]

Однако более близким к истине стало определение нанотехнологии, данное А. Франксом (Albert Franks) в 1987 г. "Нанотехнология - это производство с размерами и точностями в области 0.1-100 нм."

Толкование данного понятия уже нашло свое закрепление в международных и российских нормативно-правовых актах. Однако дискуссия по вопросу определения понятия «нанотехнология (ННТ)» в настоящий момент не имеет финальной точки. Нанотехнологию нельзя увидеть без специального оборудования.

Появление в реальной жизни нанотехнологии пока не привело к смене современной парадигмы социально-экономического развития и научной революции. Господствующая парадигма – это развитие информационного общества. Пока она остаётся действующей. В тоже время, как правильно утверждает учеными, с развитием ННТ изменится как научная, так и экономическая картина мира. Таким образом, на смену информационной парадигме придет нанотехнологическая. Раскроем ее содержание.

1-я позиция. Нанотехнология уже охватила воспроизводство общественного капитала. Системный характер решения самой проблемы трансформации воспроизводства общественного капитала определяется:

во-первых, необходимостью качественных изменений в потенциале рабочей силы, механизм разрешения которых встроен в преобразование в сфере образования, усиления роли технического, а не гуманитарного образования;

во-вторых, воспроизводство нанопотенциала хозяйствующих субъектов не может рассматриваться как самостоятельный процесс вне государственной программы стратегического развития российской экономики, что способствует формированию